

Л. И. ЖИРКОВ

ОБ ОСНОВНОМ СЛОВАРНОМ ФОНДЕ ГОРСКИХ ЯЗЫКОВ ДАГЕСТАНА*

Отвечая на вопрос: каковы характерные признаки языка?, товарищ Сталин в своей гениальной работе «Марксизм и вопросы языкознания» говорит: «Как известно, все слова, имеющиеся в языке, составляют вместе так называемый словарный состав языка. Главное в словарном составе языка — основной словарный фонд, куда входят и все корневые слова, как его ядро»¹. «Но словарный состав языка получает величайшее значение, когда он поступает в распоряжение грамматики языка...»². И несколько далее, рассмотрев законы изменения в языке его словарного состава, его основного словарного фонда и его грамматического строя, И. В. Сталин делает вывод: «Таким образом, грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики»³.

Исследователь, изучая отдельные языки и отдельные группы родственных языков в свете приведенных указаний товарища Сталина, встречается с задачами разной трудности. Начиная исследование словарного состава языка, надо прежде всего кодифицировать этот словарный состав в словаре данного языка. Для многих языков мира задача такой кодификации уже выполнена, но для многих других языков она выполнена лишь частично, и не мало еще остается в мире таких языков, по отношению к которым выполнение этой задачи еще и не начато.

При словарной кодификации начинать, конечно, нужно со словаря современного языка, ибо именно в нем находит свое место наиболее достоверный материал, непосредственно доступный сейчас наблюдению и регистрации. Далее, по мере углубления этой работы, должно, конечно, следовать также и составление словарей исторических и этимологических. Точно так же при изучении грамматического строя языка мы прежде всего

* Под влиянием ложного учения Н. Я. Марра я допустил в своих теоретических работах серьезные ошибки. Не признавая никогда его «четырёхэлементного» анализа слов и форм языка, я был убежден в том, что процесс исторического развития языков есть единый процесс, идущий во всех языках мира и выделяющий в них в основном одни и те же стадии. Тем самым я затушевывал самое главное — своеобразие развития отдельных языков и групп языков. В этой статье я стараюсь, наоборот, подчеркнуть особенности исторического развития основного словарного фонда в группе горских языков Дагестана. — Автор.

Л. И. Жирков, разделявший в прошлом некоторые ошибочные положения «нового учения» о языке, настоящую статью посвятил разработке вопроса об основном словарном фонде, поставленного перед советскими языковедами в классическом труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Статья Л. И. Жиркова не решает вопроса в целом, тем не менее в ряде пунктов, уточняя методику определения основного словарного фонда, дает материал для дальнейшего обсуждения и решения этой важной и актуальной проблемы. — Ред.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 23.

² Там же.

³ Там же, стр. 26.

встречаемся с необходимостью составления грамматик ныне живых языков. Грамматический строй языка прошлых эпох предстает перед нами в той или другой степени неполным, ибо в сохранившихся письменных памятниках мы всегда ограничены особенностями литературного жанра древних произведений, их стиля, их лексики, употребительных в них грамматических форм.

Однако и кодификация словарного состава языка, и составление его грамматики являются научными задачами сравнительно еще не столь трудными. Гораздо труднее задача выделения и изучения того основного словарного фонда, который находится в недрах словарного состава языка и который, как указывает И. В. Сталин, вместе с грамматическим строем языка составляет «...основу языка, сущность его специфики»⁴.

Трудность вопросов, связанных с выделением слов основного словарного фонда из общего словарного состава языка, видна хотя бы и из того факта, что сейчас, когда прошло уже три года с момента появления работы И. В. Сталина, во взглядах советских языковедов на эти вопросы все еще нет необходимой ясности. Акад. В. В. Виноградов в обстоятельной статье «Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка»⁵ главное внимание обратил на указание И. В. Сталина, что в языке основной словарный фонд «...используется, как основа словарного состава языка»⁶, и в соответствии с этим подверг подробному разбору систему словообразования в языке и ее связи с основным словарным фондом. Статья В. В. Виноградова в особенности интересна исследованиями отдельных слов, принадлежащих к основному словарному фонду современного русского языка. Подобные экскурсы, касающиеся отдельных слов, автор развертывает как своеобразные сжатые истории слов и словообразовательных категорий, что в целом, действительно, дает возможность убедиться, что участие того или иного слова на протяжении истории языка в развитии системы словообразования может служить одним из верных признаков возможности включения данного слова в состав основного словарного фонда.

Новоуказанный об основном словарном фонде для различных групп родственных языков надо ставить по-разному. Разные группы языков и разные языки развивались своеобразно, поэтому и системы словообразования у них разные, так что единого метода, пригодного для выделения во всех языках слов основного словарного фонда, не существует.

Еще до того, как в данной области были произведены какие-либо конкретные исследования, уже вскоре после появления работы И. В. Сталина специалисты по горским языкам Дагестана на эту тему прочитали доклады и подготовили к печати статьи. В них проводилась мысль, что выделить из общего словарного состава отдельного языка его основной словарный фонд окажется возможным только в ходе дальнейшего развития науки о языке. При этом надежды возлагались главным образом на семантический метод выделения слов основного словарного фонда, который сжато был сформулирован П. Я. Черных в виде следующего положения: «...основной словарный фонд состоит из слов, выражающих наиболее важные жизненно необходимые понятия»⁷. П. Я. Черных это положение, характе-

⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

⁵ См. В. В. Виноградов, Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка, «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1951, вып. 3, стр. 218--239.

⁶ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 25.

⁷ П. Я. Черных, Учение И. В. Сталина о словарном составе и основном словарном фонде языка, сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», Изд-во Моск. ун-та, 1950, стр. 73.

ризирующее понятие об основном словарном фонде, ставил, конечно, в ряду других положений, его дополняющих; в том числе он указывал и на ту особенность основного словарного фонда, что он служит базой словообразования данного языка. Однако, если говорить именно о группе горских языков Дагестана, то практически среди указанных П. Я. Черных положений некоторые исключались, так как соответствующие стороны этих языков или недостаточно изучены (например, системы их словообразования), или даже не могут быть привлечены к изучению за недостатком исторических памятников и, следовательно, за невозможностью в настоящее время дать историческую грамматику этих языков. Отбор же слов по признаку их значения для говорящих на этих языках и знающих эти языки является непосредственно возможным. Как мы сказали, подобные попытки и были сделаны, и, конечно, они заслуживают продолжения, ибо в какой-то мере приближают нас к решению вопроса.

Но, как всякому ясно, отбор слов только по семантическому признаку у любого исследователя в значительной степени может быть субъективным. Слишком широко и распылчато указание, что в основном словарном фонде находятся слова, выражающие наиболее важные (что важно?) и жизненно необходимые (что жизненно необходимо?) понятия. Даже если мы решим, что именно «важно» и что «необходимо» (допустим, что мы стараемся сделать это с полной объективностью), — мы решим это только для текущего момента нашего наблюдения, упуская из вида, что основной словарный фонд на протяжении всей истории каждого языка продолжает накапливаться и расти, что он есть продукт ряда эпох, что в него с течением времени вступают слова из общего словарного состава. Учесть этот исторический момент в развитии лексики никак нельзя, если ограничиться лишь семантическим отбором слов по их современному значению.

Вот почему мы думаем, что вопрос об основном словарном фонде того или иного из горских языков Дагестана полезно будет рассмотреть в связи с теми особенностями этой группы родственных языков, которые мы можем наблюдать в их грамматическом строе, в фонетическом строении корня в этих языках и в системах их словообразования. Такой учет особых условий необходим в данном вопросе для каждой группы родственных языков, необходим он, разумеется, и для горских языков Дагестана.

Известные нам попытки непосредственно выделить слова основного словарного фонда по их значению не отличались четкостью и в том отношении, что они не отделяли определенным образом слова, входящие в основной словарный фонд языка, от слов так называемого «активного запаса лексики» (понятие, хорошо знакомое всем преподавателям западных иностранных языков). Эти слова «активного запаса», противопоставляемые в методике преподавания языков словам, которые якобы лишь «пассивно» узнаются и понимаются учащимися при чтении, часто характеризовались как «употребительнейшие» слова языка, что как будто совпадает с понятием «жизненно необходимых» слов. Между тем этот активный запас слов, как нам кажется, ничего общего не имеет с основным словарным фондом.

Наконец, при всех опытах выделения слов основного словарного фонда должно быть ясно, о чем идет речь: о словах одного определенного языка или целой группы родственных языков? И, с другой стороны: выделяют ли слова определенного языка или же понятия, важные и жизненно необходимые в быту народов Советского Союза и, следовательно, выражаемые на всех наших языках? В этом отношении следует отметить, что указанные выше статьи В. В. Виноградова и П. Я. Черных были вполне определены: В. В. Виноградов говорил только о словах русского языка, а П. Я. Черных — о группе родственных славянских языков; и то и другое, конечно, совершенно правильно.

Неполная ясность в разрешении этих и подобных вопросов, между прочим, вела к бесплодным спорам, в которых, например, одни утверждали, что в языках народов СССР слово *радио* находится в составе основного словарного фонда, поскольку сейчас радио можно видеть на площади каждого аула; другие же с этим не соглашались. Относительно слова *телевизор* говорили, что пока это слово еще не вошло в основной словарный фонд, но со временем, в будущем, войдет в него. Слово *автомобиль* все признавали словом основного словарного фонда, но при этом забывали, что это слово во многих языках (в том числе и в русском) — лишь термин технической терминологии и что в живой разговорной речи для обозначения этого предмета мы гораздо чаще употребляем другое слово, а именно — слово *машина* в его суженном, специальном значении. Подобные рассуждения показывают, что при изучении основного словарного фонда в каком-либо языке и при выделении входящих в него слов не следует полагаться на свою индивидуальную оценку того или иного слова. Опираясь на стилистические указания, при решении вопросов об основном словарном фонде надо всегда принимать в расчет и систему словообразования в данном языке, и пути заимствования данным языком иноязычной лексики, и, с другой стороны, — различие между словами чисто корневыми, например, словом *гора*, и даже самыми простыми по составу словами производными, например, словом *горка*.

Надо, очевидно, найти для каждого языка в значении и строении отдельных слов его словарного состава те признаки, по которым мы могли бы в известной степени объективно судить о принадлежности данного слова к основному словарному фонду.

Указание И. В. Сталина на историческую изменчивость (хотя и медленную) основного словарного фонда ведет нас к признанию того, что ни в одном языке мы не сможем сейчас отделить резкой гранью слова основного словарного фонда от всех остальных слов его словарного состава. Существование в каждом языке своего основного словарного фонда, как бы ни был своеобразен этот язык по своему грамматическому строю и как бы ни был ограничен его словарный состав в целом, — не может подлежать сомнению. Но в то же время не подлежит сомнению и то, что всегда существует большой процент таких слов, которые в одну эпоху развития языка могут находиться в основном словарном фонде, а в следующую эпоху могут как архаизмы из него выйти, или, наоборот, — зародившись как неологизмы, они могут со временем стать словами основного словарного фонда. Следовательно, нельзя думать, что относительно любого слова исследователь в состоянии решить, поместить ли его по ту или по другую сторону грани, проходящей между словами основного словарного фонда и всеми остальными словами языка. Поэтому нельзя ставить перед собой задачу, например, составления по основному словарному фонду данного языка отдельного словаря или хотя бы глоссария: мы были бы начетчиками, не понимающими сути дела, если бы задались такой целью.

Те слова, которые мы с полной уверенностью можем признавать в языке словами основного словарного фонда, составляют, что само собою понятно, лишь сравнительно небольшую группу слов, которая неразрывно связана со всей системой словообразования. Древность, исконность и «основной» характер слова должны быть доказаны в каждом отдельном случае, — а это возможно лишь для ограниченного числа слов. При обосновании выделения слов основного словарного фонда недостаточно ограничиваться этимологическими объяснениями, как нельзя ссылаться и на употребительность слова в языке или «важность» его значения. Не говоря уже о том, что, как известно, многие из общепризнанных этимологий со временем оказываются ошибочными или сомнительными, — глав-

ная трудность состоит здесь в том, что этимологии отдельных слов дают нам их историю за различные, несравнимые между собою периоды жизни и развития языка. Наряду с ясными и очевидными этимологиями, не восходящими глубже исторических эпох, имеются и такие (в тех группах языков, где этимологии вообще изучались), которые претендуют на указание происхождения слов от языка-основы, т. е. того языка, который лишь гипотетически и частично восстанавливается.

Главный порок таких «глубоких» этимологий заключается в том, что за пределами письменно засвидетельствованной истории мы теряем всякую хронологию. Ни одно явление, ни одну форму, ни одно слово в сфере восстанавливаемого языка-основы мы не можем приурочить ни к какому моменту абсолютной хронологии, что же касается так называемой относительной хронологии (говорящей нам, что такое-то явление имело место прежде или после такого-то), то данные такой хронологии почти никогда не могут быть связаны в сколько-нибудь длинную и последовательную хронологическую цепь. Однако, поскольку основной словарный фонд есть продукт ряда эпох, при его выделении хронология была бы необходима. Особенно чувствуется слабость нашего знания истории многих языков в отношении тех языковых групп, которые до недавнего времени были бесписьменными, как, например, группа горских языков Дагестана.

Исключительно трудно бывает установить принадлежность слова к основному словарному фонду, когда мы имеем дело с именами существительными. Будучи названиями предметов и явлений, существительные в своей главной массе находятся в словарном составе языка вне основного словарного фонда; именно в форме существительных идет пополнение «...существующего словаря новыми словами, возникшими в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п.»⁸. В ходе этого процесса, как известно, к общему словарному составу языка прибавляется гораздо большее количество новых слов, чем выходит из употребления и постепенно забывается. Среди других частей речи категория существительных, таким образом, образует по преимуществу как раз наиболее текучую часть словаря. Это, в частности, бывает заметно и на примере тех языков, где в истории мы могли наблюдать процессы массового усвоения иноязычной лексики, как, например, в языках персидском, урду, афганском, в некоторых тюркских языках, словари которых содержат значительный слой арабизмов. Арабизмы эти в преобладающей своей части переходят в заимствующий язык именно в виде существительных, выражая понятия глагольные при помощи сочетаний с вспомогательными глаголами, существующими в языке заимствующем; так, арабское слово *соал* «вопрос» перешло в персидский язык и дало в сочетании *соал кярдән* «сделать вопрос, спросить»; *мәғлүм* «известный» дало *мәғлүм кярдән* «сделать известным, выяснить» и *мәғлүм шодән* «сделаться известным, выясниться» и т. п.

Таким образом, всякое имя существительное, относительно которого мы хотим решить вопрос о его принадлежности к основному словарному фонду, требует особого рассмотрения с точки зрения истории данного понятия в интересующем нас языке, причем нельзя ограничиваться лишь выяснением его этимологии или его современной семантики.

Если мы, например, на основании той огромной роли, которую играет в нашей жизни книга, будем относить слово со значением «книга» во всех языках к основному словарному фонду, то мы окажемся правыми в отношении ряда языков, но в отношении других — рискуем ошибиться. Может не быть налицо весьма важного условия, а именно — долговечности,

⁸ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 25.

исконности данного слова с данным значением. Основной словарный фонд есть продукт ряда эпох; следовательно, и входящие в его состав слова должны быть не только словами употребительными, но и словами, прошедшими вместе с основой языка долгий путь исторического развития. Нельзя упустить из вида, что, по указанию И. В. Сталина, «элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства. Это был язык не сложный с очень скудным словарным фондом, но со своим грамматическим строем, правда, примитивным, но все же грамматическим строем»⁹. Основной словарный фонд языка той древнейшей эпохи был скудным, по сравнению с языками нашего времени, но он был тем основным словарным фондом, который в развитом виде мы можем сейчас наблюдать, и слова современного нам основного словарного фонда в зачаточном виде (за исключением, конечно, слов, позднее заимствованных) находились и в том не еловом языке с очень скудным словарным фондом.

В группе горских языков Дагестана выражение понятия «книга» как раз дает нам пример того случая, когда слово требует от исследователя учета особых обстоятельств, связанных с историей данных языков. При этом открывается, что слово *книга* сейчас по важности своего значения без всякого сомнения должно причисляться к словам основного словарного фонда, этимологически же соображения в некоторых языках указывают на то, что и в прежнюю эпоху слово это являлось важным в быту и в хозяйственной жизни народа и, без сомнения, также было словом основного словарного фонда, имея, однако, тогда совершенно другое значение, которое до сих пор сохраняется как омоним (хотя сейчас оно, может быть, по своей общественной значимости отошло несколько на задний план).

В лакском языке «книга» обозначается словом *лу*, в аварском языке — словом *тIехъ* (*тI* — надгортанной артикуляции, *хъ* — переднеязычное). В обоих указанных языках это же слово (*лу*, *тIехъ*) имеет значение «козья шкура» или «баранья шкура». Это значение (очевидно, первоначальное) и сейчас столь же живо и употребительно, как и значение «книга»; можно сказать по-аварски *тIахъазул тIимугъ* «бараний (из бараньих шкур) полубок», или *тIохъол гъабураб габур* «бараний (сделанный из барана) воротник» (*тIахъазул*, *тIохъол* — надежные формы от *тIехъ*; *гъ* — гортанный спирант). Если признать первоначальным значением «шкура», то развитие этого значения, в результате которого получалось значение «книга», — исторически вполне понятно. Была эпоха, когда люди знали книги, написанные на коже (шкуре, пергамене и пр.), и в переносном смысле называли книги «шкурами», как мы сейчас называем документ *бумагой*. Мы встречаемся с подобным названием значений и в других языках; можно указать на греческий язык, где слово *difthera* обозначало «содранную шкуру» и до сих пор обозначает как «шкуру», так и «пергамен» (материал, на котором писались книги). Из греческого это слово было заимствовано в арабский язык: *дафтар* «тетрадь, список», отсюда — в персидский: *дәфтар* с тем же значением; и, наконец, у народа, соседящего с лаками и аварцами в Дагестане, мы находим даргинское слово *табтар* опять в значении одного из терминов, обозначающих «книгу».

Мы видим, таким образом, что развитие значений «шкура» — «книга» могло происходить и в самом Дагестане (лакск. *лу*, аварск. *тIехъ*), и в древней Греции в совершенно другую историческую эпоху; могло быть воспринято и арабами, и иранцами, и в том же Дагестане даргинцами. Лакское и аварское слово «книга» было исконно лакским и исконно аварским, но то же самое значение могло выражаться и словами заимствован-

⁹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

ными (даргинск. *табтар* или *жуз*, лезгинское и табасаранск. *кѣаб*). Во всех этих случаях — будет ли существительное заимствованным или исконным для данного языка, будет ли оно как лакское *лу* и аварское *тѣхъ* сохранять до сих пор два значения или нет, — оно может быть отнесено к числу слов основного словарного фонда. Мы достигаем уверенности в этом отношении именно потому, что, прослеживая историю слова и его языковые связи, в данном случае опираемся на ряд объективных фактов. Мы видим, что народу необходимо было выражать понятие «книга» (этого нельзя сказать, например, о слове со значением «брошюра»). Мы видим, что слово это действительно пережило ряд эпох, в отличие, например, от некоторых заимствованных арабских терминов, которые живут в Дагестане никак не более тысячи лет и связаны с одной эпохой культуры ислама, ныне закончившейся. Мы видим и то, что эти слова вошли в систему словообразования, если принять во внимание своеобразие грамматического строя языков этой группы, где вообще формы словообразования в значительной доле заменяются словосочетаниями с использованием различных падежных форм, столь обильно представленных в системе склонения. И, наконец, нам стало видно то различие, которое существует между заимствованными словами, по актуальности и важности своего значения входящими в основной словарный фонд (в данном примере: *табтар*, *жуз*, *кѣаб*), с одной стороны, и словами, исконно принадлежавшими к основному словарному фонду, которые изменяли свое значение, — с другой (в данном примере: *лу*, *тѣхъ*).

Критерием отнесения к числу слов основного словарного фонда слова, обозначающего «язык, речь» в горских языках Дагестана, служит наличие этого слова в разных фонетических формах в нескольких языках этой твердо установленной родственной языковой группы: аварск. *мацI* (*цI* — надгортанной артикуляции), даргинск. *мез* (*з* — звонкая аффриката), лакск. *маз*. Правда, в самурской подгруппе — в лезгинском и табасаранском языках — мы находим в этом значении слово *цIал* (*цI* — надгортанной артикуляции), но в них имеется и фонетическая форма, отмеченная выше, — лезгинск. *мез*, табасаранск. *мез* (*з* — звонкая аффриката) — со значением «язык как телесный орган». В этом случае, следовательно, мы прослеживаем одно и то же слово вплоть до эпохи того общего языка-основы, который в давние времена дал начало всей этой родственной языковой группе. Мы прослеживаем его, однако, не хронологически, не по памятникам различных последовательных эпох, а по тем формам этого слова, какие существовали в разных диалектах (а позднее — в языках), исторически возникавших в языке-основе.

Эти примеры показывают, насколько важно в отношении каждого существительного, прежде чем отнести его к основному словарному фонду, исследовать все касающиеся его факты. Одна семантика сама по себе даст нам только неполный и мало содержательный ответ; мы будем только знать, что это слово является актуально важным для нашей современности, причем останется неизвестным самое главное: как, какими связями оно связано с основным словарным фондом, с основой языка. Решение вопроса об отнесении имен существительных к основному словарному фонду, как мы выше уже указывали, является во многих случаях особенно затруднительным и требует в каждом отдельном случае детального рассмотрения. Но часто мы можем встретить столь же запутанные случаи и в отношении других частей речи.

Глаголы в горских языках Дагестана, как мы далее постараемся показать, имеют некоторые морфологические признаки, по которым мы можем судить о вероятности отнесения их к числу слов основного словарного фонда. Однако и здесь можно встретить очень сложные случаи; см., например,

аварский глагол *xъæaze* «писать», в котором корень состоит из одного согласного очень сложной артикуляции (*xъæ* — задненебная аффриката лабиализованная). Ныне этот глагол со значением «писать» без сомнения следует включить в основной словарный фонд современного языка. Однако он еще сохраняет и другое, более древнее значение, семантическая актуальность которого в условиях современной культуры не столь очевидна: «сгребать». Если бы этот глагол не являлся нам как выразитель двух значений («сгребать» — «писать»), то по одному его первоначальному смыслу («сгребать») зачисление его в основной словарный фонд было бы, может быть, неубедительно. Когда же исследователь констатирует наличие указанного развития значений, то для него становится вполне ясно, что это слово действительно переживает в словарном составе языка ряд эпох, и, следовательно, оно исторически вошло в данный язык в его основной словарный фонд. Само по себе развитие значений «сгребать» — «писать» представляется совершенно ясным: «сгребать» — «царапать, выпарапывать» — «вырезывать, гравировать» (что, вероятно, отразило древнюю эпиграфическую технику резьбы на камнях).

Скажем теперь о том, как историческое развитие горских языков Дагестана наложило особую печать на каждую часть речи, повело к образованию разных семантических и морфологических особенностей, в конечном счете повлияло на принадлежность к основному словарному фонду слов, относящихся к различным частям речи, и определило большую или меньшую потребность языка в иноязычных заимствованиях по данной грамматической категории. Прежде всего надо выделить две части речи — местоимение и числительное, — в пределах которых решение вопроса о том, какие слова относятся к основному словарному фонду, с одной стороны, представляется сравнительно нетрудным, а с другой — позволяет прийти к некоторым выводам общего характера.

Обращаясь к местоимениям даргинского языка, в любом его диалекте мы можем заметить, что первоначальный, исконный, древний запас местоимений в этом языке очень ограничен. Можно указать четыре личных местоимения (считая формы разных чисел различными местоимениями), пять указательных местоимений (они же местоимения 3-го лица), одно лично-возвратное местоимение (супплетивно использующее две разные основы) и, наконец, — три местоимения вопросительных. Вот и все те слова в категории местоимений, которые мы можем отнести с уверенностью к основному словарному фонду. Остальные формы, выражающие местоименные значения, являясь словами производными с использованием и ныне живых словообразовательных формативов, т. е. сами по себе не относятся к числу слов основного словарного фонда, поскольку в его составе уже находится то исконное местоименное слово, от которого они произведены.

Если бы мы причислили к основному словарному фонду как исходное местоимение, так и все от него производные (ибо семантически все эти слова, конечно, являются актуальными и необходимыми), то мы рассматривали бы основной словарный фонд в языке просто как отбор особо актуального и особо «необходимого» словаря. Это было бы, очевидно, неправильно и противоречило бы всему учению И. В. Сталина об основном словарном фонде, который входит в основу языка и который исторически может быть прослежен до глубокой древности.

Вспомним указание товарища Сталина: «Надо полагать, что элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства»¹⁰. Следовательно, никак нельзя рассматривать основной словар-

¹⁰ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

ный фонд вне этой длинной цепи исторического развития, факты которого заставляют прийти к выводу, что из всей категории местоимений в основной словарный фонд может войти немногим более одного десятка основных, исконных древних слов. На исконную ограниченность категории местоимений в этой группе языков указывает и тот факт, что среди употребительных ныне местоимений мы встречаем и местоимения, заимствованные из других языков, и местоимения, образованные от числительных или даже от глагола-связки. В даргинских наречиях слово *гьарил* «каждый» образовано от персидского *гьар* и, таким образом, по корню является заимствованным; *царил* «другой» образовано от числительного; *лебил* «весь» (обобщающее местоимение) образовано от глагольной связки *леб* «есть, имеется». Правда, эти их корневые части также находятся в основном словарном фонде, но не со значением местоимений; местоименное значение этих слов первоначально развивалось как переносное, производное. Что же касается персидского слова *гьар*, то оно прошло свой путь исторического развития в составе персидской лексики, основного словарного фонда персидского языка, а не даргинского.

Такое же примерно положение мы находим и в категории числительных. Первообразные названия чисел (в особенности чисел первого десятка) без всякого сомнения относятся к словам основного словарного фонда, но вполне понятно, что их очень немного, хотя, повидимому, даже число «сто» в группе горских языков Дагестана является не заимствованным, а издавна находящимся в исконной лексике этих языков («тысяча» уже является сравнительно недавним заимствованием).

В непосредственной связи с лексикой местоимений в горских языках Дагестана стоит лексика наречий, которая в свою очередь связана с лексикой послелогов. Наречия места (указательные наречия) непосредственно и регулярно образуются от указательных местоимений. Что же касается послелогов (служебной части речи) в этих языках, то они весьма непохожи по своему характеру на предлоги русского и других индоевропейских языков. Здесь различие вовсе не в том, что предлоги конструируются в препозиции, а послелоги — в постпозиции. Предлоги наших языков близки к частицам, их семантика очень широка, изменчива в разных контекстах, а вне контекста — часто вовсе неуловима. Послелоги же дагестанских языков всегда (за редкими исключениями) имеют определенное, ясное, реальное (как говорят, «вещественное») значение. По фонетическому своему строению они тоже далеко не так просты, как частицы, а построены скорее по типу строения имен. В составе корневой части послелогов обычно находится тот же самый (или фонетически близкий) согласный элемент, который в системе склонения данного языка обозначает ту или другую определенную локализацию, выраженную в «серийном» склонении этих языков. Так, например, эта связь послелогов и падежных окончаний склонения ясно видна в аварском языке, где мы имеем в числе других послелогов: *тIад* «сверху», *нахъ* «сзади», *гъорлъ* (*гъ* — звонкая заднеязычная аффриката, *лъ* — в данном случае латеральная аффриката) «в середине», *гъоркъ* (*к* — латеральная надгортанная аффриката) «внизу» — при согласных элементах в системе местных падежей: *д* «сверху, на»; *х* «сзади, за»; *лъ* «внутри, в»; *къ* «внизу, под».

Это показывает, что мы можем видеть в подобных послелогох (они же являются и наречиями) слова, входящие в основной словарный фонд, а в соответствующих им падежных окончаниях — те же слова, но уже ставшие формальными элементами грамматики, падежными окончаниями. Сам по себе факт перехода слова в грамматический формант неоспоримо доказывает принадлежность этого слова к основному словарному фонду данного языка, древность и исконность его использования в этом языке.

Именно таким образом подтверждается и то, например, что лат. *mentem* (от *mens* «ум») вошло в основной словарный фонд, скажем, французского языка, где оно стало грамматическим аффиксом наречий (*brave-ment* «храбро», *sincèrement* «искренно», *follement* «безумно» и т. д.), и принадлежность к основному словарному фонду русского языка возвратного местоимения *себя* (одно из доказательств этого факта можно видеть в том, что соответствующая более древняя форма *ся* прочно заняла место одного из глагольных формативов: *кажется*, *веселимся*, *моются* и т. д.).

Итак, относительно местоимений, местоименных наречий (а также многих наречий, непосредственно к местоимениям не примыкающих) и наречий-послелогов в горских языках Дагестана (в частности, в даргинском, лакском и аварском) можно сказать, что исследователь в грамматическом строе языка получает некоторые опорные точки для объективного решения вопроса об отнесении того или другого слова к основному словарному фонду языка. При таком подходе мы в значительной мере можем избежать субъективистских оценок, основанных на одной лишь семантике, на признании «важности» или «необходимости» слова в современном языковом общении. Широта и многосторонность сформулированного И. В. Сталиным учения об основном словарном фонде каждого языка безусловно требуют от нас, чтобы мы в этих вопросах не ограничивались поверхностными семантическими оценками.

Грамматической категорией, чрезвычайно интересной с точки зрения ее отношений к основному словарному фонду горских языков Дагестана, является глагол.

Проделанная нами подготовительная работа по составлению словаря первообразных глагольных корней лакского языка, а затем подобная же работа по даргинскому языку показала, что в словарном составе языков этой группы первообразных глаголов чрезвычайно мало; при достаточно глубоком анализе их обнаруживается немногим больше двухсот. Между тем общий словарный состав этих языков в нашу эпоху, при всестороннем развитии производства и культуры, определяется, несмотря на то, что эти языки являются младописьменными, по крайней мере в 25 тыс. слов (включая заимствованные слова). Следовательно, первообразные глаголы в данном случае составляют всего 1% общего словарного состава. Такое арифметическое отношение несомненно стоит в связи с определенными особенностями грамматического строя указанных языков.

Не следует думать, что говорящие на этих языках встречаются с какими-либо затруднениями при выражении глагольных понятий. Несмотря на сравнительно небольшой запас древних первообразных глаголов, все глагольные понятия могут быть выражены на этих языках так же свободно и с такой же детализацией оттенков значения, как и на любом из языков индоевропейских, тюркских, финно-угорских или семитских. Этой цели служат специальные средства выражения в виде сложных глаголов, использующих в качестве элементов сложения как имена, так и многие из первообразных глаголов. Поскольку в большинстве случаев именной и глагольный компонент сложения свободно употребляются и в качестве отдельного слова, приходится говорить об аналитическом способе выражения глагольного понятия.

Аналогичный способ выражения глагольных понятий встречается в очень многих языках различных языковых групп (например, в персидском, таджикском, урду, турецком и в некоторых других тюркских языках), но ни в одном из них этот грамматический способ не используется с такой широтой, как в группе дагестанских языков. В глагольных сложениях типа перс. *шекайят кардāн* и тадж. *шикоят кардан* «жаловаться», урду *ши-каят карна*, тур. *шикайет этмек* (с тем же значением) первое слово яв-

ляется заимствованным из арабской лексики именным компонентом, несколько измененным фонетически согласно внутренним законам каждого из заимствованных языков. Второе же слово в этих сочетаниях представлено глаголом, входящим в основной словарный фонд всех названных языков и имеющим широкое, универсальное значение «делать». Таким образом, все приведенные сложные глаголы обозначают буквально «жалобу делать».

Сказанное достаточно поясняет сущность такого способа образования сложных глаголов, но надо указать, что языки, из которых мы привели примеры, усвоили в широких размерах этот грамматический прием выражения глагольных значений в определенную эпоху своего развития, а именно — после массового наплыва в язык иноязычной (арабской) лексики. В языках же Дагестана хотя и была эпоха включения в лексику арабизмов, но такое включение проявлялось лишь в слабой степени и не может быть сравнимо с обилием арабизмов, укрепившихся в словарном составе персидского или турецкого языков. Тем не менее и в языках Дагестана данное явление имело место: в лакском, например, языке как раз слово *шикаят* «жалоба» существует. Это заимствованное слово (ныне, может быть, уже мало употребительное) полностью вошло в ряд сложных типов лакской системы склонения. Оно причисляется к именам III грамматического класса по согласованию, поэтому говорят: *шикаят бан* «жаловаться», где начальное *б* в глагольном компоненте *бан* есть именно классный показатель III класса, и было бы ошибкой сказать, например, *шикаят дан*, т. е. неверно согласовать это слово по IV классу.

Но глаголы вроде *шикаят бан* «жаловаться» образовались и образуются не только на почве использования в языке заимствованной лексики. Первой частью сложения в них может выступать исконное слово языка или частица. Таковы лакские примеры: *лажин дан* «уважить» (*лажин* «лицо» — слово, общее для основного словарного фонда ряда дагестанских языков); *лавай хьун* «подняться» (*лавай* «вверх» — наречие); *гьаз бан* «поднять» (*гьаз* — основа, в качестве отдельного слова ныне уже не употребительная); *лабитан* «спрятать» (*ла* — частица, *битан* «оставить»). Вообще этот способ глагольного словообразования в виде сложных глаголов является в горских языках Дагестана живым и широко распространенным.

Но есть в этих языках и простые глаголы, однако, как мы сказали, их немного. В лакском словарном составе таких глаголов не больше 250, причем в это число входят также и глаголы, которые исторически разложимы, т. е. в сущности не являются первообразными, но ныне в сознании говорящих уже не разлагаются на части. Таковы, например, глаголы *ттизин* «дойть», *ттисин* «кроить», в которых префикс *тти* уже не выделяется. Если просматривать список этих первообразных глаголов с точки зрения их значения, то мы здесь найдем и глаголы, выражающие простейшие производственные процессы: *цулун* «жать» (о жатве), *цIуцIин* «тесать», *шашан* «варить», *цIун* «полоть», *бюхжин* «чесать», *бүхган* «пахать», *кьукьин* «резать» и т. п., — и глаголы, выражающие различные действия человеческого тела: *занан* «ходить», *шанан* «спать», *шун* «ударить», *ккак-кан* «видеть», *лаган* «идти», *лечан* «бежать» и т. п. Эти глаголы, развивая многочисленные переносные значения, обогащают фразеологию языка, наиболее часто встречаются в контексте речи и, повидимому, существуют в основном словарном фонде лакского языка на протяжении долгих эпох развития. Строение корня этих глаголов предельно просто: он содержит или один закрытый слог (*цулун*), или только один согласный (*шун*); *-ун*, *-ин*, *-ан* являются окончаниями инфинитива.

Таким образом, в глагольной лексике горских языков Дагестана как будто четко отделяется основной словарный фонд первообразных глаголов

от обширной массы глаголов производных и сложных, позволяющих выражать все глагольные понятия со всеми их семантическими оттенками. Внутренние различия в этой категории слов нашли свое выражение в их морфологической форме, и поэтому мы можем здесь заключать о принадлежности слова к основному словарному фонду вне всяких наших субъективных оценок важности слова по его значению. Как мы видели выше, в категории имен существительных это не так ясно, и там советская наука должна пока продолжать настойчивые поиски объективных критериев.

Вопросы о выделении слов основного словарного фонда из общего словарного состава языка надо решать конкретно, а не «вообще», учитывая своеобразие исторического развития каждой группы языков, каждого языка, каждой грамматической категории слов, а в нужных случаях — каждого отдельного слова. При этом надо не забывать, что особенности грамматического строя языка всегда тесно связаны со словарным составом и основным словарным фондом, а следовательно, в данном вопросе особенности грамматического строя также должны конкретно учитываться.
